

18+

Лена Элтанг

КАРТАХЕНА

р о м а н

альпина

ПРОЗА

Лена Элтанг
Картахена

«Альпина Диджитал»

2015

Элтанг Л.

Картахена / Л. Элтанг — «Альпина Диджитал», 2015

ISBN 978-5-00-139753-3

События романа Лены Элтанг разворачиваются на итальянском побережье, в отеле «Бриатико» – белоснежной гостинице, стоящей на вершине холма, родовом поместье, окруженном виноградниками. Обстоятельства приводят сюда персонажей, связанных невидимыми нитями, среди которых главный герой Маркус – писатель, утративший способность сочинять, студентка, потерявшая брата, наследник, лишившийся поместья, комиссар полиции, расследующий странные смерти... Характерный для прозы Элтанг детективный сюжет обрастает событиями, произошедшими в разные годы, драматическими совпадениями и новыми смыслами. Содержание этого многослойного и полифоничного романа куда глубже, чем поиск ответа на вопрос «Кто убийца?», хотя этот ответ читатель не сумеет угадать до самого финала.

ISBN 978-5-00-139753-3

© Элтанг Л., 2015

© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Глава первая	7
Маркус. Воскресенье	7
Петра	9
Садовник	14
flautista_libico	16
Маркус. Воскресенье	18
Петра	21
flautista_libico	25
Воскресные письма к падре Эулалио, март, 2008	27
Петра	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лена Элтанг Картахена

Редактор *Владимир Коробов*
Текст публикуется в авторской редакции
Издатель *П. Подкосов*
Продюсер *Т. Соловьёва*
Руководитель проекта *М. Ведюшкина*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Н. Витько, Ю. Сысоева*
Компьютерная верстка *А. Ларионов*

© Л. Элтанг, 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Издательство благодарит Vanke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Лена Элтанг

КАРТАХЕНА

р о м а н

Второе издание

Издательство
«Альпина нон-фикшн»

Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

...Бог знает, где теперь вся эта мебель!
КАВАФИС

Глава первая Живой среди лисиц

Маркус. Воскресенье

Маркус свернул карту, вышел из машины, бросил куртку на траву и сел лицом к лагуне, подставив лоб слабому апрельскому солнцу, позволявшему держать глаза открытыми. На «Бриатико» ему смотреть пока что не хотелось. Он и так знал, что на вершине холма, за пиниями и кипарисами, виднеется ампиный фасад – львиные лапы и торнеллы, как будто выкрашенные луковой шелухой, – здание, где он провел самый странный год своей жизни, издали похожее на Тауэрский мост. В первый раз он увидел его в девяносто девятом, тогда это было семейное поместье, *tenuta di famiglia*, через несколько лет оно стало отелем, потом богадельней, а теперь, как ему говорили, совершенно разорилось.

Море еще дышало холодом, едва уловимая линия в том месте, где лагуна сходится с небом, была теперь черной и блестящей, будто проведенной японской тушью. Он помнил, что с севера пляж защищает от ветра буковая роща, а с юга – стена портовой крепости. Со стороны моря кто-то написал на ней размашисто, красным мелком: *Lui è troppo tenero per vivere tra i volpi*. Слишком нежен, чтобы жить среди лисиц. У этой стены они с Паолой стояли, задрав головы, и смотрели вверх, на холмы, где в тусклой зелени слабо светилась яичная скорлупка «Бриатико». Завтра сходим туда, сказала Паола, там есть часовня семнадцатого века, я хочу сделать набросок для курсовой работы. Завтра сходим, согласился он.

В тот вечер они обедали в трагтории в Палетри – заказ им принесли в медном котле и водрузили на подставку с горящим спиртом, в котле застывал рыбный бульон цвета ржавчины, в бульоне плавали хвостики сельдерея. Потом они возвращались в обнимку по скользкому от дождя гравию и рухнули в палатку, будто на дно илистого пруда.

Теперь на месте буковой рощи виднелась распаханная земля, обнесенная забором, в земле белели мелкие камни, похожие на кости, отмытые дождем. Здешние деревни тоже были белыми и мелкими. Возникшие двести лет назад на месте овчарен и пещер, где жили лесорубы, они срослись, будто коралловые ветки, и в местах, где ветки соединялись, всегда бывало кладбище, нарядное, обсаженное кустами красного барбариса.

Маркус поднялся с земли и наконец посмотрел на «Бриатико». Знакомый фасад показался ему чужим, каким-то ослепшим, и он не сразу понял, что почти все окна закрыты ставнями, такими же белыми, как парадные двери. Забыли закрыть только окно на втором этаже – он точно помнил, что это библиотека, – и оно темно сияло на солнце.

Маркус пошел к машине, вспомнив, что через час трагтории в деревне закроются. Дальше он мог ехать без карты, дорогу в Траяно ни с чем не спутаешь, две острые розовые скалы сделали ее знаменитой. Скала, что поменьше, отлого спускается к морю, ее контур напоминает плавник окуня, на голове окуня краснеют чешуйки деревенских крыш. Скала, что побольше, обрывается гранитным уступом, на его вершине темнеет эвкалипт, похожий на кадильницу. Издали кажется, что он растет совсем рядом с отелем, но Маркус знал, что между скалой и «Бриатико» добрых два километра – и то если идти по парку, напрямик.

Punto di Fuga, вот как это называется, вспомнил он, точка в перспективе, где параллельные линии сходятся вместе. Кажется, о ней говорила Паола, когда они стояли перед фреской Мазаццо во флорентийской церкви. Эти ребята придумали перспективу, сказала она тогда, до них все предметы и люди жили в одной плоскости, будто вырезанные из бумаги. Точки схода

бывают земные, воздушные, еще какие-то. А бывают недоступные – это те, что за пределами картины. О них можно только догадываться. Может, их и нет вообще.

Еще в Англии, случайно, на блошином рынке, Маркус купил клеенчатую карту побережья и повесил на стене напротив окна, закрыв длинную трещину в штукатурке. По утрам солнце водило лучом по неровному треугольнику лагуны в окружении кудрявых холмов. Деньги за роман кончились еще в декабре, и всю зиму он прожил в долг, пользуясь добротой своего лендлорда, питающего старомодные чувства к романистам, но в конце концов терпение лопнуло и у старика. Возвращаться было особенно некуда, разве что в родительский дом, где он не показывался с тех пор, как оставил университет и поссорился с отцом.

Будь у него деньги, хоть какие-то, он давно вернулся бы в Траяно. Каждое утро, проснувшись, он смотрел на карту знакомого берега: прожилки горных дорог и синее полотно Тирренского моря. Он помнил, что деревня повернута спиной к воде, а берег застроен угрюмыми пакгаузами. Если траянец хочет погулять, то к морю он не идет, море – это работа. Для прогулок есть улица Ненци: с одной стороны там живые изгороди из туи, с другой – оливковые посадки, на окраине она становится дубовой аллеей и ведет на кладбище. На каменных воротах кладбища еще видны фигуры святых, изъеденные зеленым лишайником.

На карте берег, очерченный ультрамарином, казался дружелюбным, сулящим долгие безветренные дни. Однако Маркус помнил, что все обстоит иначе: летом песок и камни раскаляются от зноя, а зимой порывы ветра сотрясают ставни и срывают черепицу. Он знал норы этого мистраля, видел расщепленные до корня столетние каштаны и взлохмаченный ельник на скалах, лежащий на землю, будто ржаные колосья. Добравшись до деревни в низине, ветер выбивался из сил и покорно проветривал проулки и дворы, выгоняя из них запахи рыбной гнили и горький дым горелого бука.

Петра

В детстве я думала, что время похоже на шар. То есть все, что мы считаем прошлым, происходит теперь, одновременно с нашей жизнью, только на другой стороне шара. И если найти правильный туннель, то можно спуститься в прежние времена и посмотреть на прежних людей. Такими туннелями я считала оливковые деревья, ведь они живут по две тысячи лет. Приятно думать, что ты трогаешь ствол, который мог потрогать один из аргонавтов, высадившихся в Салерно. Жаль, что в школе меня в этом разубедили. Можно было бы думать, что маленький Бри ходит где-то по своим тропинкам, голова его похожа на маргаритку и он еще не собирается обрить ее наголо.

Брата убили на рассвете, а нашли в восемь утра, когда открылся рыбный рынок. Его тело лежало в корыте с солью. Туда кладут рыбу, привезенную с ночного лова, вываливают всю сразу и только потом разбирают, потому что в восемь утра солнце уже высоко, а колотый лед еще не доставили.

Полицейские курили, прислонившись к машине, уборщик сидел на корточках возле самых дверей, а за воротами рынка, обнесенного желтой лентой, уже собирался народ. Я сидела на гранитном полу, глядя на лицо Бри, румяное и свежее, как будто он только что закрыл глаза. В едва отросших волосах у него сверкала соль, а черная капля крови возле левой ноздри казалась неподвижной божьей коровкой. Рядом с братом лежал кусок зеленой проволоки, похожий на сачок для ловли крабов.

– Кому он мог задолжать? – спросил комиссар. – Можете дать нам список его друзей?

– Долги здесь ни при чем, – ответила я. – Он бы мне сказал.

– Разберемся. – Комиссар махнул рукой сержанту: – Начинайте.

Я поцеловала брата, стряхнула соль с его лица, встала и вышла из гулкого зала, заставленного чисто вымытыми железными столами. На пристани толпились растерянные рыбаки и скупщики, они стояли молча, стараясь на меня не смотреть. Только старый Витантонио кивнул и стянул свою вязаную шапку с головы. Я шла вдоль мола, облизывая соленые губы и думая, что мне сказать матери, когда я приду домой.

Все было как всегда: бензиновые разводы в лужах, железные тележки, заваленные рыбой, мокрые сети с запутавшимися в них дыньками поплавков, причальные тумбы, обмотанные пятнистыми канатами. В какой-то момент мне показалось, что все это розыгрыш, дурацкая шутка, и что сейчас у меня за спиной засмеются, затопают, Бри в своих хлюпающих рыбацких сапогах нагонит меня, крепко схватит и приподнимет над землей.

– Эй, Петра! – За спиной послышались торопливые шаги. – Постой. Мне понадобится твоя подпись на бумагах. Зайдешь завтра в участок, ладно?

– Когда можно забрать тело? – Я остановилась и дождалась комиссара. – Мне нужно похоронить брата так, чтобы мама не узнала. Вы можете?

– Ты уверена, что так будет лучше? – Он посмотрел на меня с недоумением. – Не то чтобы это было незаконно, но уж больно не по-людски.

– Мама просто умрет, если узнает. Она и так еле держится.

– Может, мне прислать сержанта, чтобы он сообщил твоей матери? Похороны – это святое. Тебе придется врать всю оставшуюся жизнь, подумай об этом.

– Врать я хорошо умею. – Я кивнула ему и пошла дальше.

Солнце уже поднялось над церковью Святой Катерины и теперь светило мне прямо в лицо. Весной день начинается рано, но стоит спуститься сумеркам, как ночь не дает им и полчаса, шлепается на землю всей своей тяжестью, как огромная глубоководная рыба на палубу. Слепая, плоская, колотящаяся о железо рыба с зеленой проволочной чешуей.

* * *

Всю прошлую неделю меня мучили тревожные сны, разговор с братом показался мне странным, так что я подумала, что надо провести с ним вечер и выяснить, в чем там дело. Я собиралась уехать на день раньше, но на пятницу нам назначили семинар по криминалистике, и мне было жаль его пропустить.

Соберись я на день раньше, брат встретил бы меня на автовокзале, мы обнялись бы – моя голова едва доставала ему до плеча – и пошли бы домой по дороге, вьющейся между виноградниками. Вечером мы нажарили бы рыбы, открыли бутылку вина и сели в саду на старую скамейку, чтобы поговорить. У меня было много вопросов, и я надеялась получить на них ответы. Теперь отвечать некому, а вино я вчера выпила сама, глядя на красные виноградные плети, где мы однажды нашли гнездо дрозда.

Когда в феврале я получила от Бри дырявую открытку, то сразу почувствовала, что он пытается меня надуть и не рассказывает главного. Открыткой послужил черно-белый снимок, купленный, наверное, в лавке старьевщика. Это меня не слишком удивило, однажды брат прислал мне подставку для пивной кружки, на одной стороне был адрес, а на другой – реклама портера. На фото были две дамы и священник с ребенком на руках, склонившийся над купелью. Обратная сторона была заполнена почерком брата, который я называла *orme dell'uccello*, птичьи следы.

Сестренка, у меня потрясающая новость. Скоро мы разбогатеем, тебе и не снилось такое. Я найму матери сиделку и приеду к тебе в Кассино. Считай, что я нашел клад, настоящее сокровище, совершенно случайно – как находят все настоящее. Чего только не увидишь, возвращаясь с танцев! Приеду на «альфа-ромео» (8C Competizione!), твой брат Бри.

Мобильный телефон Бри не отвечал, но это обычное дело, ему часто отключают номер за неуплату. Я звонила домой целый вечер, представляя, как телефон заливается в нашей квартире, а мама сосредоточенно смотрит на него, не решаясь поднять трубку. Наконец брат ответил.

– Ты напрасно волнуешься, – сказал он вкрадчивым голосом, который всегда предвещал неприятности. – Тебе понравилась картинка с крестинами?

Я слышала, как он ходит по комнате, волоча за собой шнур, – наверное, искал сигареты.

– Кто эти люди на фотографии? Почему там дырка? И при чем тут сокровище?

– Лучше скажи, ты слышала наши новости? – перебил он меня. – Читала в газетах про убийство Аверичи? Я его знал, приходилось пару раз подрабатывать у его дядьев на винодельне. У него в деревне полно родни.

– Хозяин «Бриатико»? А как это связано с открыткой?

– Тут все связано. Но я уже все развязал. Эта женщина заплатит за свою ошибку, у нее нет другого выхода.

– Какая женщина? Ты снова впутался в историю?

– Послушай, Петра, не забывай, что ты младшая, – примирительно сказал брат. – Не уверен, что я получу все, что потребовал. Но, по крайней мере, мы договорились о встрече!

Он сказал это с английским акцентом, изображая детектива из старого сериала, который мы смотрели в детстве. Детектив боялся собак, расследовал мелкие преступления в лестерширской деревне и всегда выходил победителем.

– Я видел убийство, – сказал он важно, и я услышала, как шелкнула зажигалка. – Убийство хозяина «Бриатико». Я стоял в гостиничном парке, в трех шагах от мертвого тела. Помнишь беседку на месте бывшей часовни? На днях я встречаюсь с человеком из отеля, мы уладим наше дело, и тогда я расскажу тебе все подробности. Честное благородное слово!

* * *

На первую неделю я устроилась в рыбную лавку, потому что денег совсем не было, и часто проводила сиесту в подсобке, отсыпаясь на холщовых мешках, пахнущих винным уксусом. Маме я сказала, что не хочу оставлять ее одну, покуда Бри в море с рыбаками. Она посмотрела на меня с сомнением, но возражать не стала – у нее день на день не приходится. Помню, что я спросила у старого Пенникеллы, в какую компанию брат мог бы устроиться, чтобы исчезнуть надолго, и он записал мне название на пустой папиросной пачке. И добавил, что не одобряет мое вранье.

Возвращаться в Кассино я не собиралась. Из университета пришло письмо: мне разрешили академический отпуск, по семейным обстоятельствам. Каждый вечер я ходила на кладбище и сидела возле ниши в гранитной стене, глядя, как солнце садится в морскую воду. У ворот кладбища растут молодые клены, а дальше, до самой Аннунциаты, тянется мощеная дорога, поросшая колючим барбарисом. Ниша была с краю, одна из последних, на могилу у меня не хватило бы денег, к тому же настоящие похороны – дело шумное, а так мы с падре двух плакальщиц привели и все, что положено, сделали.

О том, чтобы пробраться в «Бриатико», у меня и мысли тогда не было. Мне казалось, что полиция разберется сама, не зря же нашего комиссара прозвали комиссаром, хотя он всего-навсего старшина карабинеров. Они все еще занимались делом Аверичи, которое прогремело на всю округу, мне уже человек шесть о нем рассказали, правда, все по-разному. Жестянщик, живущий по соседству, целый час смаковал историю о том, как хозяина гостиницы пристрелили ночью на его собственной земле и оставили сидеть в беседке, будто спящего.

– Как пить дать, выслеживал свою непутевую перуджийку, – сказал жестянщик, – застал любовников в беседке и получил пулю в грудь, прямо в свое разгневанное сердце. Эту женщину волокли в участок на глазах у всей деревни, да еще в таком виде, что я разглядел наконец ее хваленые груди. Они и впрямь торчат, будто кабачки из грядки!

Я слушала его вполуха, думая о том, что быстро отвыкла от здешней бесцеремонной манеры выражать свои мысли и теперь она вызывает у меня досаду, примерно как поросшая плесенью стена в родительском доме. Что ж, думала я, комиссар закроет дело Аверичи, а потом возьмется за дело брата, их же там всего четверо в участке. Надо самой поговорить с людьми, поискать подробности, записать свои размышления и передать комиссару, когда придет время. Даром, что ли, меня учат на юриста за деньги провинции Кампанья.

С утра я взвешивала скользких кальмаров, а после двенадцати отмывала руки лимонным соком и отправлялась вниз, на побережье, к карабинерам, – шесть километров под гору и столько же обратно, если никто не подберет. Поначалу комиссар и слушать меня не хотел, пьяная драка, ревность, преступление чести, ему все годилось, лишь бы не вникать, а тут я с дырявой открыткой и подозрениями. Мне даже показали найденную у брата записку, принесли из архивной комнаты. «Приходи в час ночи в рощу за каменоломней. Будет тебе то, чего просишь, красавчик». *Красавчик* было написано на деревенский манер: *фишетто*. Ну, против записки мне нечего было сказать. Записка любовная. И на брата это похоже, он любил всякие открытки, закладки, таинственные послания, одним словом – бумагу.

Фишетто – так звали ослика, ходившего по кругу в деревенской маслодавильне, каждой осенью мы бегали смотреть на него по утрам, зажав в кулаке угощение – кусок булки или сушеную сливу. В те времена оливки еще не возили в Кастеллабату на масличный пресс. Туго набитые мешки доставлялись на телеге в сарай на окраине деревни, где черный ослик в кожаной упряжи вращал каменные жернова. Глаза у него были печальные, атласно-черные, за это он и получил свое прозвище. У брата глаза были серые, со множеством крапинок, а у меня

глаза синие, таких в семье ни у кого не было, кроме тосканской бабушки, которую я никогда не видела.

* * *

Двенадцатого марта я устроилась работать в «Бриатико», а в конце марта полицейские закрыли дело, и ездить к ним стало незачем. Я так и не смогла сдвинуться с мертвой точки, хотя находилась именно там, где нужно, практически на месте преступления. За несколько дней до своей гибели брат сказал мне, что намерен встретиться с кем-то из «Бриатико», чтобы получить деньги за молчание. «Деньги посыплются на нас, как треска на палубу, – весело сказал брат, а потом добавил пронзительным птичьим голосом: – Пиастры! Пиастры!»

Место, где брату назначили свидание, было выбрано с умом: дорога через эвкалиптовую рощу, прилегающую к рынку, завалена обломками гранита, еще до войны вывезенными с местной каменоломни, проехать там нельзя и людей почти не бывает. Кто это был: постоялец или человек из обслуги? И почему Бри упоминал женщину и ее ошибку?

В одно из дождливых воскресений я поехала в Палетри, чтобы поговорить с немцем Вернике, владельцем танцзала. Немец раньше был *капореджиме* при Джузеппе Сарно, теперь он смотрит за порядком в нашей фракции, все его уважают. Немцем его называют из-за фамилии, хотя он чистокровный позитанец, просто его дед сидел в лагере для перемещенных лиц, и американцы там что-то напутали с документами.

– Поезжай учиться, – сказал немец, стоя в дверях танцзала. – Брата уже не вернешь, а тебе может достаться на орехи.

– Вы ведь знаете, что сетку для оливок нарочно там оставили, изобразили *delitto d'onore*. Но преступление чести здесь ни при чем, брат был свидетелем в каком-то грязном деле, связанном с гостиницей на холме.

– Жизнь свидетеля редко бывает длинной. – Он зевнул и принялся отчищать ногтем какое-то пятнышко на красной двери. Над дверью висела вывеска «Babilonia», смешное название для деревенской дискотеки с неструганым полом и двумя шарами из фольги под потолком.

– Говорят, что у Бри был роман с какой-то местной девушкой. Может, она что-нибудь знает? Скажете мне ее имя?

– Слушай, у меня ведь тут танцзал, а не квестура. Сюда ходят и потаскухи, и девушки из хороших семей. Откуда мне знать, с кем путался твой брат? Если он взял чужое, то заплатил свою цену.

– Три дела за два года, начиная с убийства конюха из «Бриатико». – Я старалась говорить холодно, не повышая голоса. – Не бойтесь, что решат расследовать серию и пришлют настоящего следователя из города? *Delitto d'onore* отменили в прошлом веке, и теперь за него сажают в тюрьму так же, как за предумышленное убийство. Поверь мне, я изучаю право.

– Может, на севере и отменили. – Немец поднял на меня пасмурные глаза. – А здесь, на юге, мужчины еще уважают старые правила. Что касается конюха, то наши его не трогали. Он ведь бретонец, у него здесь даже врагов достойных не было.

Он зашел в танцзал и захлопнул красную дверь перед моим носом.

* * *

Оказалось, что лучший день в «Бриатико» – воскресенье. Особенно в ветреную погоду. Постояльцы смотрят кино или играют в карты в нижнем баре, старшая сестра Пулия уезжает домой, я остаюсь за главную, если, конечно, на медицинской половине дежурит не фельдшер Нёки, а кто-то из приличных людей. У фельдшера есть имя, но кроме как практикантом его никто не зовет.

В отеле клички есть у всех, думаю, что и у меня тоже, но это за глаза, а так у нас все улыбочивые и вежливые, никаких обид. Это первое правило в заведении, второе правило – никакого флирта между служащими. Зато за спиной все только и делают, что моют друг другу кости, особенно на кухне, там самое теплое местечко, у повара всегда можно ухватить пару бисквитов и кофе глотнуть. Повар у нас старый, он еще в прежнем ресторане работал, как он говорит – при Романо Проди, во времена врунов и спиритов. Еще он говорит, что с тех пор мало что изменилось.

В гостинице все делается по старинке, даже телефон в холле похож на реквизит из фильма «Касабланка»: портье соединяет с номерами, втыкая латунный штекер в нужное гнездо. Правда, старикам почти никто не звонит.

Не знаю, почему покойный хозяин оставил все в таком виде, зато он вложил немалые деньги в разрушение стен и строительство вечно пустующей галереи зимнего сада. Обслуга прозвала это место *мост поцелуев*, хотя никто не назначает там свиданий. В галерее и стоять-то страшно, земля уходит из-под ног, потому что пол там прозрачный, пусть и засыпан пожухшей листвой. Кажется, что стекло вот-вот треснет под ногами – и свалишься прямо на верхушки молодых кипарисов.

В отеле нет беспроводной сети, и на все здание только два компьютера, довольно дряхлых. Один стоит в кабинете администратора, а второй – в читальне на втором этаже, которую все называют клубом, и, чтобы к нему подобраться, надо быть в хороших отношениях с библиотечаршей. Или быть самой библиотечаршей.

Первая неделя прошла в какой-то бессмысленной беготне, я ни на шаг не продвинулась и думала об этом по ночам, прислушиваясь к гостиничным шумам: к невнятному радио где-то наверху, к сквозняку, шевелящему створку окна, к пению воды в трубах, к шагам уборщицы, которая старше любого из здешних жильцов. Мне было тоскливо от мысли, что я нахожусь в одном здании с убийцей Бри и ничего не могу с ним сделать, даже имени его не знаю. Я вертелась на узкой койке, чувствуя, как выходящая к морю стена холодит мне бок. Комнаты для прислуги у нас на первом этаже, а там ремонта не делали еще со времен казино, свистит изо всех щелей – и если правда, что сквозняки заводятся к разорению, то этому отелю недолго осталось.

Раньше мне казалось, что стоит только осмотреться как следует, завести друзей и узнать, кто чем дышит, и я сразу узнаю убийцу в толпе, увижу его лицо, схвачу его за руку. Но где его искать? Среди поджарых, холеных стариков, гуляющих по парку в своих утренних халатах в голубую полоску? Среди докторов и безмолвной накрахмаленной прислуги?

Я знаю, что один из них убил моего брата. Кто-то, живущий в отеле «Бриатико», человек с сильными руками, способный затянуть гарроту так, что горло распахивается длинной черной улыбкой. Так ее затянули на шее конюха Лидию, я сама видела полицейский отчет и фотографии. На шее моего брата ее затянули слабее, на горле остался рубец, но кожа не лопнула.

Садовник

Не будь в библиотеке тусклой и нахохленной библиотечарши, я ходил бы туда гораздо чаще. И дело не только в полках с вином, хотя там есть отличное «Греко ди Туфо», век бы его пил, и еще «Везувио», что пахнет эфиром и грибами. Нет ничего лучше, чем сидеть на потертом диване в сумерках и смотреть на портрет, висящий над письменным столом. Хозяйка дома в шестьдесят втором году прошлого века – в нижнем углу есть дата и подпись художника. Девушка сидит босая в плетеном кресле у окна, за ее спиной видна кипарисовая аллея, просвеченная солнцем. Трудно поверить, что картину писали в шестидесятых. Где-то строили Берлинскую стену, в Пекинской опере жгли декорации, а в «Бриатико» давали балы и целовались в аллеях.

Глядя на хозяйку по имени Стефания, я часто думаю, что мы бы с ней договорились. Ну, может, не в совершенстве договорились бы, но получали бы удовольствие от беседы. С некоторыми людьми сразу чувствуешь, что вы вписаны в один и тот же *Tavole Amalfitane* – это кодекс мореплавателей, или, лучше сказать, морской устав, – я видел его в музее, не помню, в каком городе.

Здесь в отеле есть девочка, с которой я чувствую нечто похожее, хотя сначала она меня немного раздражала. У нее была странная привычка гладить меня по голове. У моей первой женщины была такая же привычка. Она могла часами гладить, выравнивать, скрести ногтями и тянуть за волосы. Она тоже была итальянкой, только из Трапани. У нее были губы цвета киновари, а над ними розовая полоска, будто помада размазана. Хотя помады у нее сроду не водилось.

Моя первая женщина бросила меня здесь, в Италии. Просто уехала, оставив мне палатку, примус и пару спальных мешков. Перед этим мы прожили неделю на берегу возле Таранто, питаюсь хлебом и мидиями в сидре: мидий мы собрали на отмели, а сидр купили у местного дядьки прямо с телеги. Раньше я моллюсков не ел, но подружка так ловко с ними обходилась – колола булавкой, нюхала, считала полоски, – что однажды я расслабился и уплел целый котелок. Ночью пошел дождь, а на меня нашло моллюсковое безумие. Я разбудил свою женщину и всю ночь вертел ее, будто мельничное колесо, грыз ее, будто овечий сыр, и вылизывал, как медовые соты. Колья в песке расшатались, палатка рухнула, но мы возились в мокром брезенте, будто щенки, не в силах остановиться.

Потом мы перебрались на другое побережье, провели там еще одну ночь, хрустящую от мидиевой скорлупы, а наутро она меня бросила. Она ушла налегке, у нее был с собой только рюкзак с блокнотом и карандашами. Помню, что она наотрез отказалась оставить его в палатке, когда мы отправились на холм, – сказала, что наброски должны быть с ней, еще пропадут, не дай бог.

Еще помню, что всю дорогу до Траяно она говорила о норманнах, двуцветной кладке фасада и купели из красного порфира. А я смотрел на ее смуглый румянец, на мокрые волосы, заплетенные в десяток косичек, ежился под дождем и думал о том, как мне повезло.

– В июне мне исполнится тридцать, – сказала она, когда мы поставили палатку в гроте, в основании прибрежной скалы. – Я старше тебя на восемь лет. Тебе это и в голову не приходило, верно?

Мокрый гранит был черным, а сухой – розовым, так что наше укрытие походило на разинутую собачью пасть. Моя подружка села на краю гранитного языка и болтала ногами над водой.

– Вот как? Значит, мы должны встретиться здесь через восемь лет, – ответил я, влезая в палатку и укладываясь на спальном мешке. – На этом самом месте. Иди сюда.

– Это же в другом столетии! – сказала она, устроившись рядом со мной. – Мы будем старыми и толстыми, у нас будут дома, канарейки и закладные. Ты правда приедешь?

– Разумеется. Я готов жениться на тебе завтра утром в деревенской мэрии.

– Ну уж нет! – Она засмеялась в темноте. Ее мокрые волосы охладили мне живот. – Через восемь лет другое дело.

– Ладно, приеду сюда двадцатого мая две тысячи седьмого года. *Meglio tardi che mai!*

Мы лежали валетом, я смотрел на ее бедро, в темноте казавшееся округлым снежным холмом, и представлял себя лыжником, плавно съезжающим вниз по склону.

– Смотри не подведи меня, – сказала она и тут же заснула.

Проклятые мидии во мне наконец утихомирились, и я мог спокойно лежать в темноте и слушать, как дождь поливает морскую воду. Если бы кто-то сказал мне, что это последняя наша ночь, я бы только рассмеялся. Рассуждения о смерти предполагают уверенность в том, что сам ты не умрешь.

Когда Паола бросила меня, я никак не мог в это поверить и провел возле палатки несколько дней, читая по второму разу карманный томик американской поэзии. Она не оставила мне записки, просто рассеялась как дым. Я сидел там и ждал, что она появится у гранитного обломка, обозначавшего вход на пляж.

– Ну что, испугался? – скажет она, снимая рюкзак и садясь на песок у остывающего костра. И не думал даже, скажу я, не поднимая лица от книги, я знал, что ты валяешь дурака. И в доказательство прочитаю из Дикинсон:

*Как много гибнет стратагем
в один вечерний час.*

На третий день я понял, что она не придет, закопал свой костер в песке, собрал палатку и уехал домой. Море было сизым, как изнанка ивового листа, на склоне холма темнели пинии, кривые и жилистые, будто вставшие на колени. Их сажают, чтобы защитить жилье от ветра, говорила моя подруга, трамонтана – это ветер с гор, очень крепкий, очень порывистый. Ничего хорошего нет в трамонтане, говорила она. Одно только хорошо – что дождя больше не будет.

flautista_libico

В интернате у меня было тридцать четыре врага. Ровно столько, сколько воспитанников было на втором этаже, остальных приходилось видеть реже, но не думаю, чтобы они меня любили. Когда нас выводили на благотворительный концерт или в церковь, то можно было увидеть всех сразу: примерно три десятка мальчишек с плохими зубами и столько же девчонок в бронзовых серьгах. Ходить было положено по двое, длинной колонной, издали похожей на очередь за бесплатным супом.

Главным врагом была воспитательница Лучана, чернявая коротышка, потом соседи по комнате, которых бесила моя привычка читать по ночам, потом интендантша (считавшая, что я хочу отравить ее кошку), а за ней – все остальные. Интернат располагался на территории бывшего парка аттракционов и смахивал на меблированные комнаты, в которых мы жили раньше с матерью, только в интернате окна были заколочены и не открывались даже в жару.

От парка остались груды ржавого железа и билетные будки, в которых воспитанники курили и тискались девчонок. Сами классы помещались в здании летнего театра, поэтому все окна выходили на круглую террасу с перилами. По ночам старшие танцевали там в тишине, поскрипывая разболтанными досками (музыку они пели про себя, старательно шевеля губами, наушники были только у толстого Соррино, и взять их на полчаса стоило тысячу лир).

Через неделю после приезда у меня не осталось носильных вещей, взятых из дома, их перетаскали понемногу, подкладывая взамен какое-то затхлое тряпье. В конце концов уцелел только красный швейцарский ножик с зазубренным лезвием и отверткой, который приходилось носить под майкой, и хотя показать его кое-кому было бы не лишним, у меня хватило ума воздержаться, так что ножик остался при мне.

Еще через месяц меня остригли наголо, потому что в комнате завелся кошачий лишай, кошку велели выкинуть, и в этом тоже была моя вина. Через два дня под моим матрасом появился ее труп, меня обвинили в убийстве, выволокли на двор и привязали к карусельному столбу, оставшемуся от парка аттракционов. Это у нас был позорный столб, *pilloria*, там все время кто-нибудь да стоял, но я чаще всех.

Осень кое-как прошла, и к Рождеству меня отправили к донне Веккьо, которая написала мне пару открыток и считалась моей попечительницей. Она жила на четвертом этаже, над нашей бывшей комнатой, и мне трудно было засыпать в ее кровати, слушая, как новый жилец хлопает внизу балконной дверью. Две ночи подряд мне снилось, что мать вернулась и ждет меня внизу, а в ночь на двадцать пятое приснилось, что она сушит волосы над газовой горелкой (смешно мотая головой), а я стою сзади и слушаю, как зеленый халат шуршит от ее движений и как шипит газ.

Наутро донна Веккьо сказала, что мои каникулы закончились (у нее образовались другие планы, и мои надежды на новогодний ужин пошли прахом). Возвращение в интернат казалось невозможным. Лицо Лучаны, прижимавшей меня в коридоре и больно щупавшей между ног, стояло у меня перед глазами. Из рта у нее несло сердечными каплями, уж не знаю почему. В интернате капуцинов воняло практически от всех, хотя зубной пасты и мыла давали вдоволь. И все были озабочены сексом, куревом и возможностью сбежать в город. Куревом можно было откупиться от любой напасти, но мне негде было его взять, приходилось выполнять то, что велели. В основном мне велели мыть полы вместо дежурных по этажу, но бывало и похуже. Иногда старшие приходили к нам в комнату, вставляли у стены, спускали трусы и приказывали их обслужить. А не хочешь, тогда грызи стекло.

Возвращаться туда было хуже смерти. У меня было чувство (когда донна Веккьо сажала меня в набитый народом междугородний автобус), что я собираюсь сунуть голову в глиняное

гнездо, полное шершней. Всю дорогу мне удавалось держаться и не трястись, но на выходе из автобуса обнаружилось, что джинсы были мокрыми.

Похожее ощущение накрыло меня через несколько лет в автобусе, направлявшемся на юг, в бабкино поместье: у меня свело скулы, руки задрожали, а в животе заплескалась ледяная вода. Пришлось сказать себе, что того, кто провел четыре года в интернате капуцинов, ничто уже не способно удивить.

Маркус. Воскресенье

– Я не здешний! – сказал Маркус пасмурному полицейскому, когда тот зашел на террасу кафе прямо с улицы, перешагнув лавровые кусты, и поманил его пальцем. – Погодите, я сейчас переставлю ее подальше.

– Синьор заплатит сейчас или зайдет в участок? – спросил полицейский, глаз его было не видно из-за нахлобученного на лицо желтого капюшона, но голос был молодым, и это вселило в Маркуса надежду.

Он уже два часа сидел под полосатым тентом, по тенту стучал дождь, из кухни пахло горячим грибным супом. Все лавки в деревне были закрыты, народ толпился у церкви с пальмовыми ветками, изнутри доносилась органная музыка, и пообедать было решительно негде. Утром Маркус зашел в скобяную лавку, где хозяином был пакистанец, не признающий пасхальной недели, и долго рылся в развале в поисках адаптера для зарядки телефона. Хозяин лавки наблюдал за ним с ленивым любопытством, потом спросил, чего он хочет, и ловко вытащил адаптер из ящика с железной мелочью. Потом он задал привычный вопрос о планах *на сегодня*, местные отвечают на него неопределенным кивком, но Маркус честно сказал, что собирался пойти пешком в Фуроре, посмотреть на водяные мельницы.

– Давно хотел увидеть место, где Росселлини снимал «Любовь», – добавил он, – с Анной Маньяни в главной роли. Вы его видели?

Хозяин лавки только рукой махнул в изнеможении. Он дважды пересчитал мелочь, не говоря ни слова. Ему было лет на восемь больше, чем Маркусу, но на руках уже проступили пигментные пятна, и повадки были шершавые, стариковские.

– Не смотри на карту, парень, – сказал он потом, – а если смотришь, умножай все на три. Этот Фуроре в семи километрах, только если из космоса глядеть, идти туда полдня, а ехать не меньше часа, да еще по серпантину. И тормоза нужны получше, чем у «форда».

Выйдя вслед за полицейским на улицу, Маркус понял, что сесть за руль, чтобы отвезти машину на стоянку, будет еще большей ошибкой. В Южной Италии на хмельного водителя смотрят с пониманием, но Маркус выпил уже два полулитровых графина, и в голове у него слегка мутилось. В полдень, зайдя в душный от сырости зальчик траттории, он принялся и хотел было выйти, но подавальщик заметил его колебания, быстро вынес под навес плетеный столик и вытер скамейку полотенцем:

– Садитесь на веранде. Дождь скоро кончится, а у нас отличный пино.

Дернул же черт взять машину, думал Маркус, шагая за полицейским к тупику, где он оставил свой «форд», мог ведь поехать на автобусе со станции Тибуртина. И мокасины замшевые напялил, пижон, хотя и слышал по радио прогноз погоды. Полицейский шагал размашисто, опустив голову, струи дождя стекали по его спине медленно и на удивление ровно, будто прокладывали русла в желтой непромокаемой ткани.

– Вот, возле самых ворот кладбища!

Сержант остановился, приподнял капюшон и окинул Маркуса презрительным взглядом. Глаза у него были яркие, синие, зато лицо казалось небрежно вылепленным из бурой глины. Многие местные так выглядели: красавцы наполовину, будто глаза им вставляли из осколков синей вьетрийской мозаики, втыкали прямо в глиняную маску, не дожидаясь, пока высохнет.

– Ты не понимаешь или придуриваешься? – спросил полицейский. – Здесь лежит моя бабка и вся ее семья, на этой площадке по воскресеньям ставят горшки с цветами, наши женщины ее моют с мылом, ползают тут, отключив задницы. А ты бросил здесь свою тачку, как будто не видел знака: *cimitero*. Да еще в Пальмовое воскресенье, когда у людей праздник. Ты видел знак?

Маркус попытался примирительно улыбнуться, но у него почему-то свело лоб и щеки. Порывшись в карманах, он достал бумажник и, вынув из него двадцатку, протянул ее полицейскому:

– Возьмите, офицер, а я отгоню машину к мотелю. Квитанция не нужна.

– Это что еще такое? После праздников приедете в участок и оплатите штраф. – Парень посмотрел на деньги и насупился, глина подсыхала прямо на глазах. – Я хочу видеть ваши права.

– Права-то здесь при чем? – удивился Маркус. – Я просто поставил машину не там, где полагается. Это ведь мелкое нарушение, верно?

Сержант смотрел в сторону, синие глаза поблекли и затянулись птичьей пленкой. Парень из той породы, что любую попытку сопротивления принимает как личный вызов, подумал Маркус, протягивая права, прежний сержант был точно таким же, только помоложе. А может, это он и есть?

– Ключи тоже, – заявил сержант, протянув руку ладонью вверх. – Я сам отгоню машину на паркинг возле здания полиции, а вы пойдете пешком.

Маркус вернулся в закусочную и расплатился. Допивать он не стал – сквозь невидимую прореху в полосатом тенте на скатерть летели быстрые капли, в винном бокале стояла розовая дождевая вода. Подавальщик посоветовал не медлить и отправляться прямо в *polizia*, пока у сержанта не кончилось дежурство. Здесь редко бывают иностранцы, вот Джузеппино и куржится, сказал мальчишка, но говорят, к нам скоро проведут автостраду, и начнется совсем другая жизнь.

Другая жизнь, думал Маркус, стоя на площади и чувствуя, как вода понемногу заполняет его мокасины. Что этот пацан называет другой жизнью: подземные гаражи, жареного цыпленка из Кентукки, ржавое концептуальное железо в городском сквере? Будь у меня деньги, хоть какие-нибудь деньги, я бы связал свои рубашки в узел и перебрался сюда на веки вечные. Пока тут не настала другая жизнь.

* * *

Два дня назад, когда Маркус понял, что снова увидит Траяно, ему стало не по себе, хотя он и думал об этом уже несколько лет. Но одно дело – думать, а другое – увидеть электронный билет, присланный римским издательством. Складывая одежду в сумку, он поймал себя на том, что ему хочется сунуть туда старый вельветовый пиджак, в котором он обедал в столовой «Бриатико», куда по вечерам не пускали без галстука. Он помнил эту столовую с витражными окнами, помнил запах сероводорода в гулких залах, где пациентов купали в маслянистой грязи, зимний сад, где за стеклом теснились лиловые листья, помнил даже заусенцы мозаичного пола в холле – прохладного, когда утром идешь по нему босиком.

Полицейский свернул к приземистому кирпичному зданию, ткнул в него пальцем и ушел, не оборачиваясь. На крыльце участка стоял высокий, наголо бритый старик в шафрановом одеянии, похожий не то на монаха-бхикшу, не то на дорожного рабочего. Маркусу он кивнул, будто старому знакомому. От него пахло вчерашней выпивкой и дегтем, а шафрановые одежды оказались рыжим плащом, перемазанным белой краской.

Стоило Маркусу войти в служебное помещение, как дождь кончился, и солнечный свет вычертил на полу квадратики оконных решеток. Он пригладил волосы, подошел к дежурному и получил указание сесть и подождать. Дверь в кабинет начальника была закрыта, имени на табличке не было, да и таблички не было, просто листок за стеклом. Половину стены занимала карта провинции, на булавке с зеленым флажком, воткнутой в излучистый контур берега, значилось: Аннунциата делла Сори.

Все правильно, подумал Маркус, зевая, такие заброшенные места должны называться завораживающе. Трудно поверить, что было время, когда я катался по этому берегу, как сухой колючник, с рюкзаком, набитым шнурами, мокрыми трусами и ворованными лимонами. В компании девушки, которая любила ходить босиком.

В мокалинах Маркуса хлопала вода, и он решил снять их и вынести на солнце. Парень за конторкой встрепенулся, помотал головой и показал на коридор, уходящий влево от двери комиссарского кабинета. Потом он нарисовал в воздухе моток туалетной бумаги, ловко его размотал и набил ей воображаемую туфлю. Почему итальянцы разговаривают с иностранцами как с глухими, думал Маркус, идя по коридору, в конце которого белели две одинаковые двери. Неужели мой итальянский за шесть лет так запаршивел?

На одной двери висела табличка «Окрашено». За второй дверью была служебная комната с печкой, вернее, кладовка, заваленная бумагой. Картонные папки лежали даже на подоконнике. Это были старые дела, предназначенные, вероятно, для сдачи в архив, а некоторые – просто в мусор, судя по тому, что они были свалены возле бумагорезательной машины. Маркус вспомнил, как она называется: *taglierina a ghiottina*.

Он вошел, повернул ключ, оказавшийся внутри, снял куртку и повесил на щеколду окна. Возле машины стояла початая бутылка с вином, оплетенная соломой, Маркус отхлебнул из нее, сел на пол и принялся набивать разбухшие мокасины настриженной бумагой.

Закончив с этим, он взялся разглядывать папки, сложенные в гору: одни были потертые, другие поновее, с железными скрепками. Рядом лежали стопки канцелярских бланков, перехваченные синими резинками. Дорожные штрафы, подумал Маркус, урожай проворного сержанта. Эта мощеная площадка возле кладбища – его скромное сезонное дело, приносящее верный доход.

Цифры на бланках показались ему странными: двадцать тысяч, сорок тысяч, но, присмотревшись к датам, он понял, что деньги взимались в лирах. Потянув за самую толстую папку, он нарушил равновесие холма, и тот рассыпался. На папке было написано: «La stazione di polizia, 1989». Вот бы с ходу вытащить весну две тысячи восьмого. Досье Аверичи, например, или дело о смерти капитана. Нет, не с моим счастьем.

Восемьдесят девятый, надо же. За десять лет до его приезда в эти места. В восемьдесят девятом он учился в шестом классе, за голову Рушди объявили награду, умер фон Караян, на стадионе «Хиллсборо» погибли девяносто шесть ливерпульцев, а в Японии началась новая эра – Хэйсэй.

Петра

Птица, которая забывает, куда лететь, и отстает от стаи, – где она приземляется? Остается ли она зимовать в холодном краю? Первые несколько лет после ухода отца мать казалась мне такой птицей – бессильной и оцепеневшей, будто свиристель, объевшийся ледяной рябины. Потом я привыкла. Прошло еще несколько лет, и стало казаться, что отца и вовсе не было. Мама тоже немного отогрелась. Плечи и руки у нее стали полные, кольцо врезается в палец, а губы расправились и порозовели.

Я думаю, что рот – это самая важная часть лица, всегда первым делом смотрю на рот. У моей новой подруги Пулии рот волнистый, будто лезвие малайского криса, зато, когда она смеется, видно, какой она была лет тридцать тому назад. У Бри рот был темным, отчетливо вырезанным, однажды я поймала себя на мысли: жаль, что я никогда не смогу поцеловать его в губы.

Когда я увидела брата в морге, его тело сильно уменьшилось, а на шею ему зачем-то повязали кусок марли. Морг есть только в Палетри, при местной больнице, так что забирать брата пришлось оттуда, соседка Джири поехала со мной на взятом в аренду катафалке. Мы с трудом нашли пристройку на задах здания, окруженную запущенным садом. В прихожей служитель разговаривал с комиссаром, я услышала обрывок фразы: приход все оплатит... кремация... мэрия... засорился коллектор. Я склонилась над братом, черный платок развязался и слетел на пол, волосы, которые я утром заколола наверх, упали мне на лицо. На похороны в наших краях приходят с распущенными волосами, в тот день я ушла из дому, не умывшись и не причесавшись, а черные туфли спрятала в дорожную сумку. Я сказала матери, что Бри внезапно получил работу в Салерно и уехал утренним поездом, он оставил письмо, но я его потеряла, вот найду – и сразу ей прочитаю. Что его не будет полгода, так как траулер берет работников только на долгий срок. Мать только плечами пожала.

В то время у нее были плохие дни, и она проводила их в саду, устроившись в поломанном кресле, которое Бри притащил из яхт-клуба, где подрабатывал прошлым летом. Где он только не работал, мой брат, – спасателем, татуировщиком в Амальфи, барменом в привокзальной забегаловке, продавцом на рыбном рынке, сборщиком оливок. Он попробовал все работы, которые можно найти на побережье, если не учиться, а учиться он не хотел.

Брат лежал на клеенчатой простыне, желтый, важный и хрупкий, будто терракотовая статуэтка. Глядя на его рот, сложенный в едва заметную усмешку, я вдруг поняла то, что раньше не желала понимать. Бри оставался дома потому, что знал: я там ни за что не останусь. Он просто уступил мне очередь.

Как только мне ответили из Бриндизи, я разбила копилку, собрала свои платья и махнула на восток, в город, о котором я знала только две вещи: там умер Вергилий и кончается Аппиева дорога. Потом я перевелась на север, получила стипендию на отделении истории и права и совершенно успокоилась. Оставалось всего два года до новой жизни.

Служитель зашел в комнату и сделал едва заметный знак рукой: в прихожей меня ждал комиссар для разговора. Соседка то и дело вытирала лицо бумажной салфеткой, ей, наверное, хотелось заплакать, но слезы не желали катиться и набухали в глазах, делая их похожими на толстые линзы. Ее сильно удручало то, что с нами не было мамы. Она провела рукой по лбу брата, осторожно, будто боялась отшелушить кусочек:

– Поплачь, Петра, а то как бы тебе дурно не стало. Ишь, губу-то закусил, надулась вся от ярости. – Она махнула рукой в сторону деревни. – Кто теперь разберет, кому твой брат дорогу перешел.

Кому Бри перешел дорогу, я тогда не знала и теперь еще не знаю. Разница в том, что, склонившись над телом брата, я поклялась, что убийца будет сидеть в тюрьме, а теперь я думаю иначе. Я думаю, что найду его и убью.

* * *

Когда брата нашли, рядом с ним лежал кусок зеленой сетки для оливок. Метка *delitto d'onore*, преступления чести. Придушил его обманутый муж, это как пить дать, сказал мне комиссар. Год тому назад в лесу наказали конюха из поместья, сказал он, там тоже проволока для оливок в уликах мелькала – значит, из-за девки.

Когда меня вызвали на опознание в морг, сетка была еще там, в куче просоленной одежды, мне даже потрогать ее не разрешили. Я комиссару сразу сказала: конюх, может, и правда за любовные пашни пострадал, а брата моего убили за другое. Бри так просто не сдался бы, сказала я комиссару, ищите победителя, который отсидживается дома, зализывает раны. Здесь либо деньги, либо старая семейная вражда, а с кем у нас старая вражда? Да ни с кем, у нас ведь не Палермо, значит, дело в деньгах.

– Откуда у вашего брата деньги, – отмахнулся комиссар, – он за свои тридцать лет больше сотни в руках не держал. У него и работы нормальной ни разу не было. То в море с рыбаками увяжется, то апельсины собирать нанимается. Толку от него было немного. *E' come una mozzarella!*

Не будь он шефом полиции, я бы врезала ему прямо по зубам за такое. Как он смеет судить о человеке, чье мертвое тело лежит в соседней комнате под казенной резиновой простыней. Потешаться над его прозвищем. Но если я ударю его, мне заломят руки, отвезут в участок и продержат до вечера, а то и дольше. А мне нужно дело делать.

– Вы упоминали досье, комиссар. В нем есть хоть что-нибудь, кроме деревенских сплетен?

– Сплетни в нашем деле называются свидетельскими показаниями, – ответил он сурово. – Это была казнь, говорю тебе. Помнишь дело Пецци, когда любовнику подрезали сухожилия на ногах, кастрировали и бросили в лесу? Он умер, но никто из этой семьи не сидит в тюрьме.

Я открыла рот, чтобы сказать, что мы живем не во времена Барбароссы, но не стала. Я знала, что он прав: если нашу деревню вернуть на восемьсот лет назад, все здесь будет устроено похожим образом, за исключением пары ржавых скреперов в порту.

– Пойду подпишу бумаги в конторе. – Я направилась к дверям, ведущим в коридор.

Служитель с готовностью встал и пошел за мной. На руках у него были нитяные перчатки, будто у лакея.

– погоди, Петра, – тихо сказал комиссар. – Ты ведь еще не говорила с врачом? Думаю, ты должна это знать. Врач утверждает, что в корыто его положили еще живым и он умер от соли.

– От соли? – Я остановилась у дверей.

– А ты думала! Плотность соли больше плотности гравия. Все равно что под каменную плиту засунуть человека. Сначала наступает удушье, потом обезвоживание. Медленное. По мне, так уж лучше сразу пристрелить.

* * *

Возможность попасть в «Бриатико» казалась мне выходом и входом одновременно. Именно там, на заросшей можжевельником поляне, брат оказался свидетелем убийства, это он успел мне сказать. Потом к нему пришла его собственная смерть – в роще за рыбным рынком, на границе владений отеля с деревенскими землями.

Вернувшись домой с похорон, я не стала терять времени и начала расследование с обыска его спальни. Маме я сказала, что потеряла любимое кольцо и собираюсь перевернуть всю квартиру. Дни были хорошие, так что мама сочувственно покачала головой, надела садовые перчатки до локтя и ушла подвязывать розовые кусты.

Понапрасну обшарив комнату Бри и перелистав все книги, я взялась за компьютер. Пароль остался прежним – моим собственным, потому что этот черный ноутбук я подарила брату, когда на втором курсе купила себе новый.

Я открыла почту и проверила недавние закладки. Некоторые были довольно неожиданными, и мне пришлось признать, что Бри рассказывал мне далеко не все. Начав с социальных сетей и ничего полезного там не обнаружив, я прошлась по чатам, которые открывались в феврале.

Я читала строчки, написанные братом несколько дней назад, и мне казалось, что я подглядываю через его плечо. Приятель предлагал купить воздушный фильтр для скутера и еще что-то странное под названием «подключник». Бывшая одноклассница звала на вечеринку. Какой-то работодатель отклонял посланное братом резюме. Плакать мне не хотелось, но в горле так саднило, будто я быстро глотала мелкие рыбки косточки.

Вообще, надо заметить, что мое отношение к смерти (или лучше сказать: мои отношения со смертью?) сильно изменилось с тех пор, как не стало Бри. Уходя, он оставил эту дверь незахлопнутой. Теперь я вижу смерть по-другому: так видишь пятна на луне или солнечное затмение через копченое стекло. Нет, вернее будет сказать: я вижу жизнь по-другому. Как если бы я оказалась на дне океана, но все же могла бы дышать.

Мне нужно было попасть в поместье и увидеть все своими глазами. И беседку, построенную на месте сгоревшей часовни, и тропу, которая ведет из Палетри через освещенный фонарями парк, – местные называют ее господской дорогой. В ту ночь, когда Бри наткнулся на тело хозяина отеля, он возвращался с танцев, замерз и решил срезать километра четыре, для этого нужно было перелезть через стену в одном секретном месте. Я могла бы сделать то же самое и ходить по поместью сколько угодно, но мне нужно было больше: люди, голоса, правда, вранье – все, что можно использовать. Мне нужен был «Бриатико».

Я уже давно об этом думала, только не могла решиться. Я боюсь черной работы – это раз. Расследовать дело об укусе, сидя в осином гнезде, довольно опасно – это два. Я знала, что, устроившись в отеле, я поселю свою ярость у самого сердца и она станет еще неотступнее. Но так уж я устроена: если не чувствую боли, то беспокоюсь еще больше. Мне кажется, что боль собирается с силами и вот-вот свалится на меня, как летучая мышь со стрехи. Лучше пусть она будет перед глазами, чтобы я могла за ней приглядывать.

В этом я похожа на мать. Она до сих пор держит в своей спальне блюдо, с которым ходила в церковь для благословения, разложив на нем ломти окорока, лиловый лук и стебли дикого фенхеля. Однажды, вернувшись из церкви, она увидела, что отец собрал вещи и уехал насовсем. С тех пор это блюдо из синего глазурованного фаянса висело у нее перед глазами – на гвозде, вбитом в стену напротив кровати.

Отец уехал в сентябре, субботним утром, когда мама с соседкой пошли к каменной печи, стоявшей тогда на общинном лугу. Печь растапливали огромными поленьями и сухой виноградной лозой, у каждой семьи было свое время и своя метка, выдавленная на хлебе: буква, кривая птичка или крестик. Утром дети и женщины забирали свои чугушки, заворачивали в чистые тряпки и несли в церковь.

В конце восьмидесятых такие обычаи еще держались, сейчас общинной печи уже нет, она развалилась еще до моего отъезда в Кассино. А печи поменьше, которые есть почти в каждом дворе, заняты белками или голубями. Правда, манера ходить в гости без приглашения, прихватив сырную голову, никуда не делась, меня она всегда утомляла, а брату нравилась.

У меня голова пошла кругом, когда соседка Джири, явившись с куском пекорино, сказала, что в отеле ищут людей в чистую обслугу, у них на летний сезон не хватает рук. Правда, нужны хорошие рекомендации, так просто из деревни не возьмут.

– Твоя троюродная тетка работает там кастеляншей, – заметила мама, увидев, как я вспыхнула. – Она за тебя поручится. Только какая из тебя нянька? Тебе учиться надо.

В середине марта маме стало лучше, мы даже приглашали гостей. Она стирала и стирала, как в старые времена. Я не слишком верила в эту бодрость и ждала нового обострения, каждое утро заглядывала ей в лицо: не тяжелеют ли веки, не краснеют ли глаза? Этот сонный вид предвещает бурю, как быстрое возвращение птиц к берегу.

– Учиться можно и по ночам, – сказала я уверенно. – Там библиотека хорошая, и комнату, наверное, дадут. Зато к приезду Бри поменяем эту рухлядь в его спальне, купим ему кровать с настоящим матрасом.

Мама пожала плечами, причесалась и пошла на виа Пиччони поговорить с кастеляншей.

«Бриатико» не был для меня чужим, мы с братом забирались в его сады еще в девятых, когда отель перестраивали и в неприступных стенах появились пробоины. Правда, дальше окраины парка мы не заходили – боялись сторожа. После смерти старухи в отель приехали строители и за пару лет разнесли все в клочья. Там, где теперь теннисный корт, лежали желтые трубы, в которые можно было залезать, однажды мы нашли там кошелек, потерянный кем-то из рабочих, и накупили на всю компанию мороженого.

К дому мальчишки подходить не решались: разбить там окно мячом или испачкать фасад петардой казалось чем-то невозможным. Зато мы всю хозяйничали на поляне, где сгорела часовня Святого Андрея, на пепелище лежали железные балки, а вокруг все заполонила красноватая сорная трава.

В субботу утром я стояла у дверей «Бриатико», вернее, у главных ворот. В сумке у меня были ночная рубашка и зубная щетка, как будто я собралась на свидание с ночевкой в отеле. Компьютер я не взяла – до него легко добраться и выяснить, кто я на самом деле такая. Кастелянша – здесь ее зовут Ферровекья, – предупредила, что в комнате нас будет трое и для гардероба места нет, к тому же в отеле свои порядки с униформой. Голубое короткое платье, голубые носки и лакированные туфли. Звучало отвратительно, но мне было все равно.

Я стояла у ворот и ждала, покуда сторож дозвонится в отель и откроет чугунные створки, запирающиеся на электронный замок. Теперь это был другой «Бриатико», набеленный и румяный. Забитый богатыми старцами, которых забыли их собственные дети. Это был «Бриатико», в котором в феврале застрелили хозяина, а за год до этого придушили Лидию, крепкого мужика, который мог еще лет двадцать скрести и чистить своих лошадей. В феврале Бри сказал мне, что встречается с человеком из отеля, и это был наш последний разговор. Я должна найти этого человека, он где-то здесь, он гуляет по парку, поедает шелковицу или плавает в лечебной грязи. Я пробуду здесь сколько нужно, неприметная, неуловимая, подбитая ветром, как перистое облако, я стану одной из них, стану слушать и смотреть, и в одно прекрасное утро пойму, кто это сделал, и укажу на него пальцем: смотрите, вот он, вот он, у него же руки в крови!

flautista_libico

Могила конюха Лидио нашлась на траянском кладбище, похожем с моря на жилой дом с отвалившейся передней стеной. Вся требуха наружу: тряпки, бумага, ключья обоев. И в каждой ячейке по квартиранту, или, как говорила моя мать, постойщику (итальянский у нее так и остался беспомощным). Не знаю, зачем меня туда понесло, может, потому, что у конюха были усы щеткой, а может, потому, что он написал мне письмо. То есть он написал матери, а соседка переслала письмо мне, приписав на конверте, что это, вероятно, мой отец. Вот дура. Я отлично знаю, кто мой отец, и даже знаю, где он теперь.

Письмо пришло за два месяца до того дня, когда мне стукнуло восемнадцать. Мне вернули свободу, снабдили зимним пальто и выдали диплом, который годился только на подтирку. Хотя за четыре года меня научили управляться с лобзиком, стучать по клавишам и драть глотку. И еще немецкому! Его в интернате преподавал директор, которого все боялись. Лицо у директора было обметано темным, будто он только что спускался в шахту, а пальцы были крепкими – чуть провинишься, и они уже вцепились тебе в холку. Другое дело – учительница пения. Она одуряюще пахла свободой и лимонной корочкой (и говорила всем *вы!*). Так что пение мне тоже давалось хорошо.

Диплом не пригодился, но через полгода у меня была терпимая работа и угол в пансионе, а через год удалось снять мансарду у вокзала (за гроши, потому что рельсы там проходили почти через спальню). Теперь у меня были две комнаты, одна из которых поросла плесенью по северной стене, а вторая под завязку была забита чужим тряпьем. Но это меня не слишком беспокоило. Когда столько лет мечтаешь только о том, чтобы остаться в тишине, пыль и лишние вещи тебя не раздражают. Они приглушают грохот проходящих поездов, дребезжание стекол, ночные гудки в порту, крики мальчишек на насыпи. Короче, пыль и вещи работают на тебя.

Письмо конюха было адресовано матери, которой уже сто лет как не было в живых. Похоже, конюха это не слишком волновало. Удивительно, но его остроносое лицо сразу всплыло в моей памяти, мне даже показалось, что он обращается ко мне, а не к матери, хотя в начале письма стояло ее имя. Длинное английское имя, которое все в этой стране перекраивали на итальянский манер.

Тебя оставили на бобах, говорилось в письме, и я знаю, кто это сделал. Наследство без наследника, падение твоей свекрови с лошади, пожизненная аренда для хитрой скотины Аверичи – как бы не так! Дело обстряпали тонко, чтобы тебе и ребенку не перепало ни крошки. Все знали, что старая Стефания велела сыну убираться с глаз, когда он отказался покрыть твой грех, и больше его никто в поместье не видел. Поэтому она и упала с лошади – мне ли не знать, я сам ослабил подруги: мне за это заплатили. Речь не шла о ее смерти, поверь мне! Ее собирались только напугать, заставить посидеть дома хотя бы до осени – от вида мрачной старухи, гарцующей по парковым дорожкам, у гостей появлялись всякие мысли. Так сказал мне Аверичи.

Разве мог я подумать, что она сделает такую глупость? Да каждый школьник знает: не можешь удержать равновесие – бросай стремяна и падай вбок! Еще хуже придется, если застрянешь в стремени; со Стефанией так и случилось: лошадь потащила ее за собой, да еще копытами ударила с перепугу. Когда я прибежал, старуха уже доходила, в голове была кровавая дыра с мой кулак, не меньше. Наездница с тридцатилетним стажем падает с лошади, как пьяный подмастерье? Вот тут-то я понял, что затея была другая.

Чем уж они старуху опоили, я не знаю, но могу сказать, кому это было выгодно. Вот сама посуди. Договор у Аверичи заключен с покойницей по закону, так? Отобрать землю у него никто не волен. Это могла сделать только сама Стефания, но ее зарыли на траянском кладбище рядом с ее греческим мужем. Полиция дело закрыла как несчастный случай. Наверняка Аве-

ричи платит кое-кому, чтобы его не трогали, а в последнее время его есть за что потрогать, карманы разбухли от денег, будто ширинка у подростка. Играет неделями напролет, уже года полтора не вылезает из Сан-Венсана.

Вот тут я, пожалуй, перейду к главному. Все знают, что старуха вложила деньги во что-то ценное и это что-то хранилось в доме. Но только я знаю, где оно теперь. Приезжай сюда, и договоримся, я знаю, как тебе подсобить, а ты поможешь мне. Моя доля будет четверть с того, что тебе удастся получить, думаю, это справедливо. Твой старый друг Лидио.

Письмо пролежало в коробке около полугода. Когда оно было прочитано, перечитано и изрядно истрепано, мне пришло в голову, что конюх давно не в своем уме. Кто же это станет признаваться в убийстве, которое все считали несчастным случаем?

С другой стороны, чем он рискует после стольких лет? А вот Аверичи – тот да, тому несладко придется. Если убийство Стефании откроется, поднимется шум, аренду признают незаконной и отберут у синьора его кормушку. Его ампирный домище с оранжереей, его оливковую рощу, его парк с канадской елью и кипарисами. Вернее сказать, мою рощу и мой парк. И мой домище.

Воскресные письма к падре Эулалио, март, 2008

Сегодня пришлось отпустить двоих задержанных по делу об убийстве хозяина богадельни. Мои первые подозреваемые: парочка любовников, у которых мотив величиной с альбатроса и такой же мощный с виду, а на деле клюв да перья, никакого мяса. Вдову задержали сразу после убийства, так что на ней был марлевый костюм из английской пьесы, спереди весь залитый слезами и кровью, – при задержании сержант случайно двинул ее по носу.

Когда полиция обнаружила тело Аверичи, синьору не смогли найти в апартаментах и после долгих блужданий по территории отыскали во флигеле в объятиях тренера. Выяснилось, что после репетиции пьесы все разошлись, а эти двое остались и улеглись на груды костюмов, или что там на полу лежало, я на задержание не ездил, знаю только по рассказам. Сержант был зол, с ходу заковал их в наручники и запихал обоих в машину в чем мать родила, а сверху кинул театральных тряпок укрыться.

Вдова провела ночь в грязной камере, и за ночь в ней умерла синьора и проснулась служанка. Ко мне в кабинет она вошла с жалкой улыбкой и только что книксен не сделала, когда я предложил ей кофе. Я уже знал, что отпущу ее, потому что салернский адвокат на пару с детективом собрали пачку подписанных показаний со всей отельной obsługi. Аверичи был убит между десятью часами и полуночью, так заявила экспертиза. Это мне и без них было известно, потому что ночью в полицию позвонил перепуганный постоялец по имени Зукко, явившийся на поляну после двенадцати. Если я скажу тебе, зачем он туда пошел, ты не поверишь. Разве что он сам придет к тебе на исповедь, тогда мы вместе посмеемся.

Я всегда говорил, что с отелем не все так чисто, и тосканец этот не так уж прост. Знаешь, сколько стоит девчонка в тюрьме Поджореале? Я столько на штрафах за полгода собираю. Место охранника там годами ждут, это же золотое дно. *Dove son carogne son corvi!* А здесь чем не тюрьма, старики от скуки воют, а в город можно только на гостиничном автобусе, с сопровождением, права-то у них сразу забирают.

Итак, синьора Аверичи в тот вечер не оставалась одна ни на минуту, это подтверждают девятнадцать человек, тут уж ничего не попишешь, хотя и досадно. Что может быть лучше для карьеры комиссара, чем громкое дело об убийстве на почве адюльтера? Об этом писали бы даже на севере, в какой-нибудь *Corriere della Sera*. Знаю, падре, знаю, гордыня и тщеславие!

Петра

В марте начались шторма. Траянский холм стоял перед морем, как воин со щитом, принимая удары ветра и грохочущей черной воды всем своим телом, всей просторной мускулистой скалой. Приземистые пинии казались крепостной стеной, темнеющей у подножия холма, но ветер легко перемахивал стену и захлестывал вершину скалы ледяными брызгами, разбивая их в водяную пыль, оседавшую на стеклах «Бриатико».

Сестры и горничные перебежали из южного крыла в северное, накинув плащ на голову, – через зимний сад идти теплее, но в гостинице считают, что галерея держится на честном слове. Похоже, только мы с Пулией решаемся туда заходить, да еще консьерж, который включает поливальные шланги. Даже в ненастные дни там душно от вересковой земли и гардении.

К субботе море немного притихло, завалив гостиничный пляж мусором. Теперь там было совсем безлюдно, и можно было разглядывать его сверху, различая то полоску красного каррагена, то пятнистую гальку, похожую на скорлупки от перепелиных яиц. Шторм мне тоже нравился – втайне я надеялась, что он сотрет «Бриатико» с лица земли.

Я помню этот день, семнадцатое марта, потому что с него начинаются мои записи: я завела тетрадку, выбравшись наконец-то в лавку в Аннунциату. До этого мне приходилось записывать свои мысли на листках, выдернутых из тетради с расписанием процедур.

В полдень солнце вышло из облаков, и окна на всех этажах распахнулись одновременно, будто створки в часах с кукушкой. Старики потянулись в парк, не решаясь спуститься к морю, многие несли с собой сложенные вчетверо ветровки. Фельдшер Бассо явился в сестринскую и предсказал повальную простуду к понедельнику, так что мы решили вместо чая подать в столовой горячее молоко.

Вечером администратор велел нам собраться в холле и заявил, что с этого дня ни один постоялец не спускается к морю один. В списке наших услуг добавится новая графа, сказал он, купание и сопровождение на прогулке. Хорошенькое дело, заметила Пулия, теперь мы будем ходить со старичками к морю, а хозяйка будет драть с них втридорога. Администратор у нас тосканец, поэтому он только кивнул и улыбнулся тосканской улыбкой: глаза сощурены, уголки рта едва заметно опускаются вниз.

Каждое утро он собирает официантов и горничных в пустом ресторане, выстраивает их в ровную линию, проверяет воротнички и манжеты, долго принюхивается и наконец говорит: «С добрым утром, синьоры». На процедурную половину он не суется, там царствует Пулия, у них молчаливый договор, что-то вроде демаркационной линии в альпийских ледниках. Гостиничной стряпней тосканец брезгует и ездит обедать в Relais Blu, по горной дороге, на велосипеде, как фермер, с задранной брючиной.

Теперь по утрам я вожу постояльцев на пляж, кроме тех дней, когда волны слишком высоки. Для некоторых это просто способ удрать из отеля, погрызть купленных с лотка анчоусов и на людей посмотреть. Вот синьор Риттер, тот выпивает бутылку белого и сидит в своем шезлонге, уткнувшись в свежий *Milano Finanza*. Говорят, он бывший владелец табачной фабрики, только она разорилась, и ему едва хватило денег оплатить богадельню.

Никто в этой лагуне против своей воли не утонет – вода даже мне по пояс, а я ростом с молодую белку, как Пулия говорит. Чтобы поплавать, надо заходить в воду на другом конце пляжа, там есть уступ в подводной скале, два шага пройдешь – и накрывает с головой. На бесплатном пляже всегда полно парней, особенно серферов, им все видно: и моего спутника, и мою тоску.

В воскресенье на море был шторм, старики сидели по своим комнатам, и меня рано отпустили домой. Маме стало хуже, она меня с трудом узнала. Спросила, как наши дыни, поспели ли, велела пойти посмотреть; я сбегала к бакалейщику, купила дыню послаще и принесла ей,

повалив немного в земле за домом. Хорошо, что про отца она не спросила. Иногда у мамы в голове светлеет, и она берется за книги, хотя читать ей трудно: глаза слишком быстро двигаются.

Я с ней теперь часто разговариваю, сажусь напротив, латаю что-нибудь и рассказываю все подряд. А когда меня нет, к ней заходит соседка, синьора Джири. За полсотни в неделю. Когда брата убили, я сказала, что он получил работу на траулере и уехал, мол, там платят хорошо, а мама вдруг рассмеялась: уж теперь у Бри сыра будет сколько душа пожелает!

Брата прозвали Бри потому, что он вечно таскал сыр из холодильника, прямо с ума сходил, отец даже крючок к холодильнику прикрутил, чтобы дверцу было не открыть, тогда брат стал таскать сыр со стола за обедом и делать вонючие запасы по всему дому, отец смирился и крючок открутил. У них с отцом так всегда было – сколько ни воюй, а Бри побеждает, не мытьем, так катаньем, упрямый у меня братец был, говорили, что он в деда пошел.

Деда-торговца я почти не помню, зато помню, что елка у него в доме всегда была голубая. Сама она была зеленой, разумеется, – елки на рынок привозили из Меты, мелкие, продолговатые, будто плоды опунции, – а вот игрушки у деда были только голубые: атласные шары, штук сорок, не меньше. И еще серпантин в обувной коробке.

* * *

В ночь на воскресенье в отеле пропало электричество, администратору сразу позвонили, и он примчался на своем «мини-купере» с откидной крышей. Вслед за ним прибыл грузовичок с электриками в белых комбинезонах, которые рассыпались по территории, будто мраморные крабы. Повар стоял на крыльце столовой, заломив руки, его запасы за ночь подтаяли, и он собирался зажарить все разом, и мясо, и рыбу, но угольной плиты в отеле не было, а электрики ничего хорошего не обещали. Постояльцы замерзли и собрались в клубе, поближе к камину, где уже пылали дубовые бревна, а Секондо сам разливал вино за счет заведения.

Пулия говорит, что с проводкой всегда были проблемы, с того дня, как на открытии «Бриатико» перерезали красную ленточку. Только тогда это был не совсем отель: в восточном крыле крутилась тайная рулетка, в библиотеке играли в покер, по всему парку были разбросаны беседки, а в комнатах стояли кровати в форме полураскрытых губ, обтянутые шелком.

Теперь в парке осталась только одна беседка, на самой границе гостиничных владений, в низине, где когда-то была часовня. Беседку называют этрусской, потому что на перилах чем-то острым нацарапано «etruscum non legitur» – перила не раз перекрашивали, а надпись каждый раз проступает.

Отель процветал, пока не погибла синьора Стефания, которая жила во флигеле и держала конюшню. В ее смерти не нашли ничего подозрительного: пожилая дама неудачно упала с лошади, но потом кто-то слил историю прессе, мол, погибла последняя *signora del Castello* в округе, в отель приехали журналисты, а потом (когда стало известно о рулетке и прочем) еще и комиссия из министерства. Все лето по лужайкам бродили только мужчины в форме, а сам хозяин отсиживался на каком-то горном курорте. Если верить рассказам, игорные столы свалили в кучу в дальнем углу поместья и сожгли.

Аверичи снес несколько построек, рассказывая всем, что намерен расчистить земли под виноградники, затаился на два сезона, а потом возьми да и открой «Бриатико». Отель для одиноких богачей, на которых всем на свете наплевать. Теперь в комнатах все белое и голубое, будто аргентинский флаг, – очень непрактично. Из одного ресторана сделали столовую, ободрав позолоту, а из второго – клуб, но про клуб я отдельно расскажу.

В позапрошлом году в отеле еще был конюх, я его не застала. Говорят, он был крепкий мужчина, с прислугой держался холодно, зато лошадей вечно чистил да оглаживал. Постояльцы его невзлюбили и на занятия ездой почти не записывались. Так он и сидел возле

конюшни часами, протирал свои сапоги куском замши и обиженно ворочал головой, а уйти не мог: тосканец каждую *услугу* в гостинице лично проверяет.

От тоски конюх совсем ополоумел и завязал роман с девчонкой из Палетри, так что осенью его нашли висящим над морем в зеленой проволочной сетке, будто в авоське. Такие сетки у нас расстилают под деревьями, чтобы оливки понемногу падали в них сами. Сетка была повешена на буковое дерево, растущее на склоне горы, – крестьяне потом говорили, что убийца конюха пожалел его родню и не дал птицам и лисам растащить тело на клочья.

Лошадей после этого продали, а манеж переделали под теннисный корт с раздевалкой и душами. Сам хозяин не слишком жаловал теннис, зато его жена, дай ей волю, так и ходила бы в короткой юбке повсюду. Играет она так себе, зато кричит пронзительно, только и слышно: *In! Fifteen... love!* Уроки ей дает тренер по имени Зеппо, до того белоголовый, что в первый день я приняла его за альбиноса. Он, в отличие от покойного конюха, любимец всех здешних теток, даже кастелянша норовит при встрече постучать его по спине кулаком.

В феврале тренера посадили под замок по подозрению в убийстве хозяина, но через пару дней он снова появился на корте как ни в чем не бывало. Несколько раз я приходила посмотреть на игру, чтобы хоть немного отвлечься, но потом одумалась и перестала.

Надо собраться, говорю я себе каждое утро, перестать любоваться магнолиями, мозаиками и особенно людьми. «Бриатико» слишком хорош, чтобы искать в нем убийцу. Он поселит в теле ленивую кровь, а в крови – пузырьки блаженного предчувствия. Как будто что-то хорошее вот-вот произойдет. Но я должна думать о том, что не произойдет уже никогда. Например, о том, что брату никогда не исполнится тридцать.

В детстве у него была фантазия: добиться богатства или славы до того, как ему стукнет тридцать, он даже план разработал. Для начала поехать в Милан и устроиться шофером в богатый дом, затем соблазнить хозяйку и бежать с ней в Венесуэлу, прихватив семейные драгоценности.

Бри окончил школу, получил права, уехал на север и вернулся спустя полгода в том же сером габардиновом пальто, которое я положила ему в чемодан на случай холодов. Ничего, говорил он мне тогда, передохну немного и снова возьмусь за дело. А ты поезжай учиться, нечего тебе гнить в этой деревне, здесь одни рыбаки да бандиты. Еще останешься старой девой, как твоя тосканская тетка Кьяра!

* * *

Вчерашнее совещание в клубе продолжалось до самой ночи.

Повар носил туда сыр и оливки, а вина у них и так хватало, даром, что ли, клуб от библиотеки отделяет целая винная стена в полметра толщиной. Посреди библиотечной комнаты стоит стол, купленный хозяином на аукционе: длинное полотно белой керамики, вручную расписанное лимонами и виноградом. Каждый раз, когда я на него смотрю, обещаю себе, что однажды у меня будет такой же стол и дом, подходящий для такого стола. Но до этого дня далеко: я живу в подвальной комнате, ношу голубую униформу, купаю стариков в грязи, мучаю их электрическим током и всем одинаково улыбаюсь.

Я работаю в «Бриатико». Поверить не могу, что я работаю в «Бриатико»!

За виноградным столом они, наверное, и сидели: доктор, фельдшер, администратор и белокурая Бранка. С тех пор как не стало хозяина, они чуть что совет собирают: боятся, что вдова напорочит, если станет сама принимать решения. Правда, Пулия говорит, что дело не во вдове, а в том, что она завела себе приятеля из числа пациентов и это до крайности раздражает совет.

Приятеля зовут Ли Сопра, он выдает себя за капитана арктического судна, хотя на море-хода ни капли не похож. На богатого старика, впрочем, тоже, хотя одевается на их обычный

манер: свитера из альпаки, светлое кашемировое пальто в холодные дни. Маленький, крепкий, невозмутимый, он скорее похож на плотника из эллинга. Или на одного из тех парней, что сдают лодки в аренду и целый день сидят на складной табуретке под плакатом: «Лазурный грот – туда и обратно».

В отеле говорят, они были знакомы с покойным хозяином еще в юности, однако с тех пор, как Аверичи погиб, на прогулки вдовы с капитаном смотрят косо. Капитан живет в дорогом номере, держится особняком, на процедуры не ходит и купается один. По слухам, у него не хватает двух пальцев на ноге: он их отморозил в арктических льдах. Ли Сопра – *Там Наверху* – его прозвали за то, что на вопросы о своих плаваниях он всегда отвечал одинаково, тыкая большим пальцем в небо и приговаривая: там, наверху, знают, каким я был капитаном.

Пулия говорила мне, что после смерти хозяина отношения в совете стали портиться: у всех троих были разные планы по поводу отеля и его будущего. А ловкого, хладнокровного Аверичи уже не было рядом, чтобы их утихомирить.

Не помню, писала ли я здесь, что хозяина застрелили недалеко от южного флигеля за три недели до смерти моего брата. В деревне поговаривали, что это дело рук мафии, мол, он им сильно задолжал, но комиссар говорит, что это чушь собачья. С мертвеца им долга не получить, пояснил он мне, когда мы в первый раз встретились в участке, это ведь не сицилийцы, а прижимистые амальфитанцы, они еще в эпоху лангобардов славились своим умением выбивать долги.

Вчера я дежурила в процедурной и слышала, как совещание закончилось; голоса у всех четверых были взвинченные, похоже, что к полуночи совет опустошил немало бутылок. Винные полки в клубном зале похожи на здоровенные медовые соты, они остались от прежних времен, когда в отеле жили люди, способные выпить больше стаканчика портвейна после обеда.

Книги здесь вообще никто не читает. Ни разу не видела, чтобы у полок задержался кто-то из постояльцев, – старики берут свежие газеты, спрашивают про письма и уходят. Я слышала, как библиотекарьша Вирга говорила администратору, что пароль от компьютера за всю зиму у нее попросили только четыре человека. Я знаю, что один из них – гостиничный пианист по прозвищу Садовник, видела однажды, как он сидел у окна и быстро стучал по клавишам, наморщив загорелый лоб. Ладно, про Садовника пора уже особо рассказать.

В первый раз я увидела его вблизи, когда несла душистые соли в хамам, столкнулась с ним на служебной лестнице. Рубашка у него была белая, льняная, а кожаные шлепанцы надеты на босу ногу. Я еще подумала, что он, наверное, служит в конторе, раз его не заставляют носить униформу.

– Извините. – Он боком протиснулся между мной и перилами, а я пошла дальше, с досадой осознав, что стояла там слишком долго, уставившись на него, как деревенская дурочка.

Глаза у Садовника оказались темно-сизыми, будто ягоды турецкой жимолости, с какой-то даже изморозью. Забавно, что я впервые взглянула ему в лицо, хотя уже видела его голым. Неделю назад на поляне возле заброшенных конюшен, на северном склоне холма.

В тот день я почти не работала, мне выдали униформу и разрешили уйти еще до полудня, чтобы освоиться. Я прогулялась по парку, удивилась зарослям олеандра, который моя тетка Кьяра считала ядовитым (кто увидит – счастлив бывает, а кто съест – тот все забывает), и решила спуститься к морю по парадной лестнице. Раньше, когда мы с братом пробирались на территорию поместья, то пользовались потайными путями: в одном месте можно было перебраться через стену, а в другом – протиснуться в собачью дыру в стене.

Я отправилась туда по широкой дороге, усыпанной белым гравием, но дорога внезапно свернула влево, превратилась в тропу, потом в тропинку и уперлась в бревенчатую стену конюшни. За конюшней виднелась жилая пристройка, я заглянула туда, увидев неплотно прикрытую дверь. Раньше здесь была кухня, без сомнения. На дубовых балках еще остались

крюки, к которым подвешивали еду: фиги, нанизанные на бечевки, сушеные помидоры, а может быть, омытые вином задние ноги свиных туш.

У нас с мамой в кухне такие же балки, и крюки давно торчат без дела. Раньше там висели косицы чеснока и лука, у стены лежали пирамиды зимних тыкв, уложенных друг на друга, а полки были заставлены рядами банок с абрикосами. Но эти времена уже не вернуться. Когда в доме нет мужчин, любая работа кажется лишней.

Кто-то превратил кухню в жилую комнату, немного похожую на лавку старьевщика. На полу лежала облезлая медвежья шкура, у стены – что-то вроде ковра, свернутого в рулон, под потолком поблескивала медная люстра, качавшаяся на крюке, будто елочная игрушка. Вместо лампочек в патроны были вставлены четыре оплывшие свечки. Это выглядело как жилье, но хозяина, похоже, не было дома.

Я обогнула пристройку и вышла на поляну, которую задумывали как патио с фонтаном в виде бобра, стоящего с разинутым ртом. Каменная тушка бобра лежала на земле, ее давно и плотно заплел вьюнок. С севера поляну закрывала стена, сложенная из розового туфа, за стеной виднелись кривые деревца оливковой рощи, подступающей со стороны холмов.

Эта роща принадлежит поместью, но ее давно забросили: с тех пор как закрыли давяльную в Кастеллабате, оливки приходится возить слишком далеко. Хозяину давяльни надоело оливковое масло, и он занялся каштановым пивом. В детстве меня сместила выбитая полуметровыми буквами на стене его пивоварни фраза: *aqua fa ruggine*. От воды ржавеют.

* * *

Поляна заросла высокой травой с пушистыми колосьями, и я не сразу заметила человека в этой траве – он лежал на спине, раскинув ноги и прикрыв лицо соломенной шляпой. Такого загара, цвета каштановой скорлупы, у итальянцев почти не бывает, для него нужна северная, светлая от рождения кожа. Волосы у незнакомца тоже были северными, они почти сливались с соломой, из которой была сплетена широкополая шляпа.

На постояльца он уж точно не похож, подумала я, пробираясь к дороге вдоль туфовой стены, где трава была не такой острой. Бродяга или кто-то из служащих? Кусок туфа, на который я опиралась, зашатался у меня под рукой, выпал из кладки и шлепнулся в кусты, оттуда с писком вылетела красногрудая коноплянка. Я замерла: человек услышал шум, поднялся, свернул одеяло и направился к дому – худой и коричневый, будто дервиш. Я тихо стояла за стеной, пока он не скрылся в своем жилище, а потом вернулась в отель и спросила о нем у своей начальницы.

– Это наш гостиничный пианист, – сказала Пулия, усмехнувшись, – правда, хорош? Он играет в нижнем баре: два часа до ужина, а по воскресеньям – до самого отбоя. Но с какой стати ему отираться в конюшнях?

Я не стала рассказывать о том, что видела. Может, человек не хочет, чтобы его убежище обнаружили. Ночью, когда мы выпили чаю и улеглись на свои корабельные койки, Пулия вдруг засмеялась в темноте и сказала мне, что прозвала парня Садовником с тех пор, как увидела, как он нюхает тряпичную орхидею в пустой столовой. Лицо у него было такое удивленное, как у обманутого ребенка, сказала она, а ведь ему тридцать пять, не меньше.

Все цветы в холлах «Бриатико» искусственные, это довольно странно, так как в саду полно розовых кустов, но так уж повелось – хозяевам нравятся анилиновые краски и цветы, которые никогда не вянут. Номер бедняге дали насквозь продуваемый, продолжала Пулия, зевая во весь рот, знаешь ту комнату в мансарде, с окном, похожим на дырку в бублике?

Утром я поймала себя на том, что стала смотреть на «Бриатико» по-другому: как будто какая-то дверца в стене распахнулась, и я различила за ней комнаты, целые анфилады комнат, прежде не виденных. Ты приехала сюда не за этим, Петра, сказала я себе, стоя в ледяной умы-

вальной для прислуги и разглядывая себя в зеркале. Я всегда по утрам мою руки с мылом, потому что во сне к пальцам прилипают *scintille di morte* – искры смерти – и такими руками нельзя трогать лицо, можно занести заразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.